

5

Самюэль Дински играл в ежедневном обходе Манель роль переменки. При появлении девушки его глаза, два черных, брызжущих лукавством шарика, так и загорались. Со временем спокойный, уравновешенный Самюэль стал для нее чем-то куда большим, чем просто подопечным. Восемьдесят два года, подозрение на диабет, холостяк, родных нет. Метр шестьдесят пять сплошного добродушия, каждый день встречающие Манель с неподдельной радостью. В отличие от других, старик никогда не говорил о прошлом. Наверно, это объяснялось фиолетовым вытатуированным номером, который она однажды заметила у него на внутренней стороне

руки. Она была его феей Динь-Динь, его горлинкой, его палочкой-выручалочкой, его Золушкой, его леденчиком, его пиончиком, его солнечным лучиком, его душечкой — пестрым букетом ласковых имен, встречавших ее каждое утро. Он расточал ей внимание без всякой задней мысли, в его словах не стоило искать скабресный подтекст. В отличие от некоторых прохиндеев с шаловливыми ручонками и с досадной склонностью путать приходящую помощницу с проституткой по вызову, в радушии старика сквозила только радость видеть ее каждый день, с понедельника по пятницу, с одиннадцати до полудня, — и ничего больше. Она предпочитала думать, что это ее личная привилегия, что так он обращается только с ней одной, хотя тихий голосок в голове нашептывал, что с ее коллегами он ведет себя точно так же и что эта привычка для него — лучший способ не путать их имена. Маленький домик Самюэля на улице Альжер был под стать хозяину: простой и в то же время приветливый, без лишних финтифлюшек, но не лишенный обаяния. Манель любила туда наведываться. Час, проведенный со стариком, оказывал на нее целительное действие, словно первая солнечная ванна после долгой зимы. Она тихонько постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла. — Это я, — возвестила она из коридора.

— Как сегодня поживает моя перепелочка?

— Спасибо, перепелочка поживает неплохо. А вы? — спросила она, целуя старика в морщинистую щеку и нарушая тем самым одно из базовых правил профессии: избегать любого эмоционального физического контакта с подопечным.

Социальному работнику Манель Фланден нельзя было ни на шаг отступать от официального перечня обязанностей, за которые ей платили зарплату. В ее обязанности входило:

Мыть посуду
Стирать белье
Развешивать белье
Мыть окна
Гладить белье
Стелить постель
Помогать утром при подъеме
Помогать при отходе ко сну
Помогать умываться
Помогать одеваться
Помогать раздеваться
Ходить в магазин
Готовить еду
Кормить домашних животных
Проветривать простыни

Выносить мусор
Выгуливать собаку
Подметать и мыть полы
Натирать паркет
Пылесосить
Закрывать и открывать ставни
Поливать растения
И выносить ночную вазу Марселя Мовинье.

В обязанности социального работника Манель Фланден ни в коем случае не входило:

По вечерам, перед сном, читать Анни Воклен вслух последнюю книгу Марка Леви, чтобы помочь ей уснуть;
Управлять биржевым счетом Пьера Анслена;
Целый час разбирать фотографии семейства Перронов;
Болтать за чашкой кофе;
Болтать за куском пирога или торта;
Смотреть новые серии “Молодых и дерзких” и пересказывать их содержание ослепшей Жаннин Пуарье;
Играть в скрэббл с Гислен де Монфокон;
В пятницу по вечерам готовить “негрони” (одна треть кампари, одна треть вермута, одна треть джина) вдове Дирстейн и чокаяться с ней;

Каждое утро целовать в морщинистую щеку Самюэля Дински.

Но Манель было глубоко плевать на правила, никто не запретит ей целовать всех Самюэлей Дински на свете только потому, что подобные нежности официально возбраняются библией социальных работников сельской местности.

— У меня всегда все хорошо, когда я вижу мою маленькую домашнюю фею.

Пачка болеутоляющих на буфете опровергала его слова. С недавних пор старика мучили постоянные мигрени, иногда головная боль отравляла ему жизнь по нескольку дней подряд. В последнее время девушка замечала на его лице страдальческую гримасу, когда он думал, что его никто не видит. Она пересчитала пустые ячейки в блистере и встревожилась:

— Вы со вчерашнего дня приняли шесть таблеток? Слушайте, это что-то многовато. К вам ведь вчера днем доктор приходил, что сказал?

— Что давление у меня для моего возраста, как у молоденького. Продлил рецепт на таблетки от холестерина и выписал анальгетики посильнее, но я сперва эти допью.

— И все?

— Нет, мне через две недели надо делать МРТ, а еще, наверно, сходить к неврологу или еще к кому-нибудь. Что у нас сегодня в меню, моя красавица?

Старик иногда еще готовил себе сам, но заказал услугу доставки еды на дом. Первой обязанностью девушки, когда она приходила к Самюэлю, было чтение дежурных блюд. Ее забавлял этот ритуал, хоть она и напускала на себя торжественный вид. Манель взяла карточку, на которой каллиграфическим почерком, с нажимами и волосяными линиями, была расписана гастрономическая программа на неделю, встала на стул и под блаженно-любопытным взглядом Самюэля начала нараспев, на манер уличных торговцев, декламировать текст:

— Сего апреля двенадцатого дня, во вторник, положена нам на закуску мортаделла на салатном своем ложе, а вослед ломтики куриной грудки с пюре “Петр Великий”. На десерт шеф-повар нижайше просит отведать нежное молочное суфле с сиропом из лесных ягод. Мэтр Кок будет вам крайне признателен за любые замечания, способные повысить качество его услуг, за вычетом, однако, того факта, что все изготовленные им пюре с завлекательными названиями, как то: “Мюзар” из белой фасоли, “Конти” из чечевицы, “Креси” из моркови или,

ЖАН-ПОЛЬ ДИДЬЕЛОРАН

как сегодня, “Петр Великий” из сельдерея, будучи вывалены в тарелку, приобретают сходство с одной и той же дымящейся кучей дерьма поносного цвета, исторгнутой одной и той же задницей!

Самюэль встретил представление Манель бурными аплодисментами. Следующие пятьдесят минут девушка сновала по дому и, порхая из спальни на кухню или в гостиную, в зависимости от очередного дела, болтала со стариком, сидевшим у окна с сегодняшней газетой. Пятьдесят минут разговоров о том о сем, о серьезных вещах и пустяках, о погоде и политике правительства, о живописи и литературе. В глазах молодой помощницы по хозяйству эти пятьдесят минут стоили тысячи.

6

Когда Амбруаз вернулся с работы, Бет колдовала у плиты, и по всей квартире разливалось благоухание рагу. Покончив с обязательными вопросами о том, как прошел день, Бет наконец перешла к предмету, весьма тревожившему ее с недавних пор, а именно к личной жизни внука.

— Ты с Жюли-то своей видишься? — невинно осведомилась она, помешивая лопаточкой мясо.

Нет, Амбруаз не виделся больше со своей Жюли. Равно как и с Манон, и с Лиз, и с Лорин. С девушками у него всегда были проблемы, бабушка уже потеряла надежду, что он когда-нибудь встретит родственную душу. О, возможностей было

хоть отбавляй. Женский пол не обделял вниманием Амбруаза с его ростом, ангельским лицом и непокорной шапкой волос. В последние годы, хоть он и не бегал за юбками, ему не раз встречалась любовь, но все его романы кончались крахом — если не через пару дней, то через несколько недель, в самых серьезных случаях даже через несколько месяцев. А ведь Амбруаз со временем набрался опыта, научился лукавить, скрывать свою профессию, закапывать ее в груды лжи, называть себя, к примеру, парамедиком, но, несмотря на все предосторожности, неизбежно наступал момент, когда всплывало зловещее слово: “танатопрактик”. И тут запускался разрушительный процесс, остановить который он не мог. Сперва на него обрушивался град вопросов, он не успевал уворачиваться от сыплющихся на голову “почему” и “как”. Как правило, его ответы пробуждали в них отвращение — оказывалось, что руки, ласкающие по ночам их тело, целый день ворочали холодных, окоченелых мертвецов. Бывало и наоборот: признание порождало патологическое влечение, вползавшее в их отношения, словно червяк в яблоко. Но всего хуже было новое выражение, появлявшееся в их глазах, — смесь гадливости с восторгом. Танатопрактик. Всякий раз слово звучало похоронным колоколом для романа. Всю

обедню испортили, сокрушалась Бет, если речь шла о тех редких девушках, что успешно прошли испытание куинь-аманом¹. В ее глазах род человеческий делился на две совершенно разные группы: люди, которым нравится куинь-аман, и все остальные. Каждая избранница, которую молодой человек приводил домой, в обязательном порядке проходила кондитерский тест, предложенный Бет после сыра. Приговор ломакам, поджимавшим губы при виде жирного пирога, обжалованию не подлежал: привереды, которые не в состоянии оценить тонкую маслянистость куинь-амана, не способны впустить в свое сердце счастье! Прочие, к числу которых относилась и Жюли, получали ее вечное благословение.

В конце концов Амбруаз попросту отказался от привязанностей и предпочел бродить по любовной пустыне, в которой там и сям попадались минутные приключения, бледные суррогаты любви, имевшие единственную цель — переспать. Только плоть, ничего, кроме плоти, а потом уйти, пока зловещее слово опять все не поломало. Секс без любви — как еда без соли. На днях он рискнул прибегнуть к услугам профессионалки. Молодая жен-

1 *Куинь-аман* (или кунь-аман) — традиционный бретонский слоеный пирог, иногда готовится в виде небольших булочек.

щина, пожевывая жвачку, окликнула его, когда он под проливным дождем шагал по лабиринту улочек к парковке, где стояла его машина. “Зайдешь?” Как в скверном порнофильме. Длинные стройные ноги, обтянутые нейлоном, скульптурная грудь, пухлые губы под слоем помады. Амбруаз, не задумываясь, двинулся за ней по темному вонючему коридору, потом одолел десяток ступеней на второй этаж, где находилась крохотная квартирка, служившая лупанаром.

— Деньги вперед, — велела она.

Он неуклюже копался в бумажнике, ища требуемые пятьдесят евро.

— Раздевайся, мальчик.

Холодный приказ. И на “ты”, как учительница с учеником. Он повинился, стал лихорадочно складывать одежду, положил ее на предназначенный для этой цели стул. Сколько брюк, помятых рубашек, скатанных носков и исподнего уже побывало на этом самом сиденье?

— Ложись.

Узкая кровать была покрыта одноразовой бумажной пленкой, вроде тех, что бывают на смотровой кушетке у врачей, кинезитерапевтов и прочих гинекологов.

— Я танатопрактик, — вырвалось у Амбруаза.

С чего вдруг эта фраза в подобный момент, он и сам не знал. Может, втайне надеялся, что девушка выбросит его как что-то нечистое, швырнет ему купюру в физиономию, обзовет извращенцем и прогонит развлекаться с его мертвецами. Ничего подобного.

— Это твои дела, зайка, — отозвалась жрица любви, механически натирая его член и оттягивая крайнюю плоть; потом ее опытная рука облекла нерешительно твердеющую плоть презервативом.

Амбураза передернуло. Жесты врачихи. Он попытался погладить грудь девушки, но та отшатнулась, как от ожога.

— Грудь не трожь, — вскрикнула она, отталкивая его руку. И добавила: — Губы тоже. Или плати. Пятьдесят — это за минет и любовь.

Тон торговки, отчитывающей чересчур привередливого покупателя. Когда она взяла член в рот, у него возникло жуткое ощущение, что его пенис — пошлый кусок мяса, шмат убоины в целлофане, отдельный от остального тела. Потом он лег на нее и вздрогнул от соприкосновения с нейлоновыми чулками. Холодная кожа рептилии. Он закрыл глаза, чтобы не мешал верхний свет, заливающий лежанку, изо всех сил сосредоточился на вождении и, прилежно подвигавшись взад-вперед,

ЖАН-ПОЛЬ ДИДЬЕЛОРАН

все же сумел излиться в это незнакомое еще пятью минутами раньше женское тело. Оргазм получился почти болезненный, вызванный только одним желанием — покончить с этим как можно скорее. Здание выплюнуло Амбруаза обратно на тротуар, он был противен самому себе. Пятьдесят евро, цена проклятия. Дома он ринулся под обжигающий душ и долго намыливал тело. От нее пахло смертью, несмотря на духи, — от нее, а не от него.